

КОЗДРИНЬ П.Р.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка
РГПУ им. А.И. Герцена,
протоиерей Александр ДОМРАЧЕВ,
старший преподаватель СПДС

ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ПРОПОВЕДЕЙ МИТРОПОЛИТА СУРОЖСКОГО АНТОНИЯ

Данная статья посвящена филологическому анализу проповедей митрополита Сурожского Антония. Предпринимается попытка рассмотреть лингвостилистические особенности проповедей на английском и русском языках с позиции их коммуникативной выразительности. Отдельное внимание уделяется анализу проявления диалогизации в проповеднической речи митрополита Антония, которой характеризуется его творческий метод.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум) — выдающийся церковный и общественный деятель — один из самых талантливых проповедников XX — начала XXI века. Отличающийся живым христианским чувством, он явился автором нескольких популярных книг на тему духовной жизни. Радио- и телеэфир с его беседами оказали неоценимое миссионерско-просветительское влияние не только на вверенную его святительскому попечению великобританскую паству, но и на весь христианский мир, особенно Россию, куда он не раз приезжал с проповедями и выступлениями. Гомилетическое, публицистическое наследие святите-

ля огромно и исчисляется тысячами изданных и опубликованных в сети Интернет сочинений на разных языках по всему миру.

Успешность воздействия коммуникативной деятельности проповедника прямо пропорциональна проявлению ответной реакции слушателя, принимающего его речь. Очевидно, от проповедующего требуется продемонстрировать такой уровень художественной экспрессии, при котором импрессивное воздействие на паству достигло бы максимального показателя. Для достижения этой цели используется целый спектр лингвостилистических приемов и методов выразительности. Говоря об особенностях использования этих приемов владыкой Антонием, необходимо прежде всего упомянуть, что он не готовил тексты своих проповедей заранее. Они рождались устно «здесь и сейчас», на Литургии как духовный отклик на обращенное к нему в евангельском чтении слово Самого Спасителя. Они были лишены искусственности и шаблонности, но тем не менее мы встречаем разнообразие стилистических средств выразительности, таких как метафоры, эпитеты, сравнения, перифразы, риторические обращения, прием перечисления ряда, анафоры, антитезы и т.д.

Цель проповеди, в общем смысле, можно охарактеризовать как сообщение, передачу определенной суммы духовного опыта и знания пастве. По функциональной принадлежности можно говорить об апеллятивной, дидактической, информативной и экспрессивной функциях проповеди. Несомненно, определяющей среди них является апеллятивная, так как ее основу составляет обращение к слушающему с целью формирования у него определенной позиции, согласной

с вероучением Церкви, которую он должен не просто принять и отождествить со своим собственным мировоззрением, но и активно реализовывать в личной жизни. Основными предметами обсуждения в проповеди поэтому оказываются духовно-нравственные аспекты бытия, требующие активного самоопределения христианина.

Жанр церковной проповеди можно определить в понятиях институционального дискурса как контекстуально обусловленного типа высказывания, характеризующегося специфическими особенностями организации текста. Проповедь всегда состоит из интертекстуальных преэлементов (цитат из Священного Писания, богослужебных текстов, творений святых отцов и т.д.), которые являются ее структурообразующими компонентами.

Задачей коммуникативной деятельности проповедника, по нашему мнению, является убеждение слушателя в правоте своих слов. Для достижения данной задачи проповедник использует различные речевые стратегии: эмоционально-воздействующую, самоидентификационную, дидактическую, просветительскую, фасцинирующую и т.д. Умелое использование стилистических приемов выразительности позволяет проповеднику реализовать данные стратегии в коммуникации с паствой более эффективно.

В зависимости от контекста и реализуемой стратегии в конкретный момент произнесения проповеди, в речи митрополита Антония можно различить единицы следующих лексических пластов:

межстилевой: life (жизнь), message (сообщение), take advantage (воспользоваться преимуществом), паразит, время, сокровище;

книжный: to transfigure (преображать), thereby (таким образом), contemplation (созерцание), извне, оскуднение;

церковный: to wax old (ветшать, приближаться к старости), epistle (послание), High Priest (Первосвященник), лествица, Единородный;

публицистический: vanguard (авангард), radical absence (радикальное отсутствие), ephemeral (преходящий), солидарность, право, слишком;

разговорный: to live on one's terms (жить по чьим-либо правилам), to be up (быть где-либо), разлетаться, выжать, неладное, нечего и говорить, тягаться.

Отличительной особенностью проповедей митрополита Антония является довольно свободное использование разговорной и межстилевой лексики. Тем не менее церковная модальность высказывания ничуть от этого не страдает. Проповедник органично сочетает простоту языка и глубину передаваемой идеи.

«И тогда Он тоже спрашивает, теми же словами: *Что ты плачешь, женщина, кого ищешь ты здесь?* Даже тут она не опомнилась. Даже тут она, думая, что это садовник, отвечает: *Куда ты Его дел? Куда ты положил это тело, все, что теперь у меня осталось от вечной жизни?»*¹

[Свидетельство о Воскресении. Слово на всенощной в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва), в субботу 25 мая 1968 г.]

В данном отрывке митрополит Антоний трансформирует известные слова Марии Магдалины, обращенные ею к Воскресшему Христу (ср.: Ин. 20, 15),

¹ Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. М., 2014. С. 29.

используя разговорные выражения, характерные для повседневной устной речи: «*Куда ты Его дел?* (курсив наш. — Авт.)». Можно сказать, что данная фраза звучит несколько упрощенно и даже резко и, тем не менее, хорошо передает контекст ситуации, в которой находилась Мария Магдалина: переживание скорби, отчаяния и обиды. На наш взгляд, такое упрощенное речевое оформление позволяет «приблизиться» к пастве, стать с ней на один уровень. Не используя сложной богословской терминологии или церковнославянизмов, проповедник как бы отождествляет свою личность со слушающими, не владеющими сложным теологическим терминологическим аппаратом, и тем самым демонстрирует свое единство с ними: у всей Церкви одна цель (духовное спасение), и проблемы духовной жизни, в равной степени волнующие каждого христианина — священнослужителя и мирянина, тоже общие.

Другим неотъемлемым компонентом эмоционально-экспрессивного оформления проповеди митрополита Антония на лексическом уровне является использование тропов и стилистических приемов. Наиболее употребительными среди них следует назвать метафоры, сравнения, эпитеты.

Так, мы встречаем метафоры в текстах как англо-, так и русскоязычных проповедей.

Например, в англоязычной проповеди «О Закхее»² (здесь и далее в левой колонке представлен оригинальный текст проповеди, в правой — наш перевод):

² *Антоний, митр. Сурожский. О Закхее* [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1900-00-00-0-E-E-S-EM02-022Zahheus.html> (дата обращения: 27.05.2018). Яз. англ.

«These readings of the Gospel beginning with last week are not simply disjointed readings; they show us how to make ourselves ready and like a ladder lead us to the moment when we shall be able to meet face to face the greatest reality of history, the greatest event of it — the Resurrection of the Lord Jesus Christ».

[Zaccheus]

«Эти евангельские чтения, начиная с прошлой недели,— не просто разрозненные чтения; они показывают нам, как приготовить себя, и подобно лестнице ведут нас к тому моменту, когда мы будем в состоянии встретиться лицом к лицу с величайшей реальностью истории, ее величайшим событием — Воскресением Господа Иисуса Христа».

[О Закхее]

В данном отрывке автор актуализирует тему неслучайности выбора и наличия специфического смысла в чтениях подготовительных недель Великого поста. Метафорическое сравнение воскресных евангельских чтений с лестницей («Эти евангельские чтения <...> подобно лестнице ведут нас...») указывает на стройность и логичность их организации. Кроме того, образ лестницы, несомненно, имеет аллюзию на «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичника и Лествицу Иакова.

Далее в тексте этой же проповеди³ мы встречаем и другие метафорические образы, которые служат цели более емкого выражения идеи:

³ Там же.

<p>«...we must climb, we must take advantage of a height which is not ours in order to see what otherwise we could neither see, nor understand. This height which is apparently, seemingly, as humble, as ordinary as the tree on which Zaccheus climbed, is the Church».</p> <p style="text-align: right;">[Zaccheus]</p>	<p>«...мы должны взобраться, мы должны воспользоваться высотой, которая не есть наша, для того, чтобы увидеть то, что иначе мы не смогли бы ни увидеть, ни понять. Эта высота, которая, похоже, на вид так же скромна, так же обыденна, как дерево, на которое влез Закхей,— это Церковь».</p> <p style="text-align: right;">[О Закхее]</p>
--	---

Церковь в проповеди митрополита Антония сравнивается с деревом, на которое взобрался евангельский Закхей. Митрополит Антоний подчеркивает мысль, что только Церковь может возвести человека на такую духовную высоту, с которой, как Закхей с дерева, он сможет увидеть Христа. Отметим, что соотнесение Церкви Христовой с деревом — это устойчивый метафорический образ, который органично присутствует в богослужебных текстах, поэтому легко узнается слушающими.

Богатой художественной образностью отличаются также и русскоязычные проповеди митрополита Антония:

«Пока человек жил на земле, он мог какой-то гранью своей души прикоснуться хоть *края ризы Господней*»⁴.

⁴ Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. С. 129.

[Победа Воскресения. Слово, произнесенное за всенощной в субботу 29 мая 1971 г. в храме св. Иоанна Предтечи, что на Красной Пресне (Москва)]

В данном фрагменте «прикосновение краю ризы Господней» иносказательно изображает возможность человека ощущать действие благодати, присутствие Бога в своей жизни.

«И мы так же приходим — со всех краев человеческой жизни, и с широких улиц, и с задворков жизни»⁵.

[Путь Христов. Слово, произнесенное на Литургии 15 сентября 1968 г. в храме св. апостолов Петра и Павла, что в Лефортово (Москва)]

В данной проповеди митрополит Антоний осмысливает обстоятельства жизни и судьбы людей, используя урбанистическую образность. Выражения «край», «улица», «задворки жизни» метафорически говорят о спектре всевозможных непростых жизненных обстоятельств, в которые бывает помещен человек, приходящий ко Господу.

«Пустыня — это не только место ненаселенное, это место, где пусто; и так часто в человеческом сердце пусто, в человеческой жизни пусто. Не только нет содержания вечного, но нет вообще такого содержания, которым можно было бы жить. И в этом отношении мы окружены — все — людской пустыней. И вот, в этой пустыне и мы призваны, подобно Крестителю, свидетельствовать»⁶.

[Слово о Предтече, произнесенное за всенощной 1 июня 1968 г. в храме св. Иоанна Предтечи, что на Красной Пресне (Москва)]

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Там же. С. 66.

Переносная соотнесенность пустыни, в которой проповедовал Иоанн Креститель, с сердцем и жизнью человеческой эмоционально воздействует на сознание слушающих, призывая каждого актуализировать проповеднический опыт Предтечи в своей личной жизни. То есть митрополит Антоний раскрывает идею того, что каждый христианин должен осуществлять миссионерскую деятельность, быть для кого-то источником знаний о Христе.

Особенным экспрессивным потенциалом обладает прием антитезы. Он используется проповедником довольно часто, помогает доступно изобразить различие сравниваемых понятий, которые всегда соотносятся с диаметрально противоположными категориями небесного и земного, духовного и материального, доброго и злого. Приведем фрагмент из проповеди «Цена Царства»⁷.

«Events around us are at times so tragic, so great, and we manage to be so small in the face of these events».

[Cost of The Kingdom. 4th of April 1971]

«События вокруг нас подчас так трагичны, так велики, а мы умудряемся быть так мелки перед лицом этих событий».

[Цена Царства. 4 апреля 1971 г.]

Противопоставление антонимичных прилагательных «велики» — «мелки» в контексте проповеди помогает артикулировать идею нашего духовного несоответствия Божьему замыслу о нас. Этот комментарий говорится проповедником в связи с просьбой сыновей Зеведеевых к Спасителю позволить сесть им по правую и левую стороны от Него

⁷ Антоний, митр. Сурожский. Цена Царства [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1971-04-04-1-E-E-S-EM02-028CostOfTheKingdom.html> (дата обращения: 27.05.2018). Яз. англ.

в Его Царстве. Фокусируясь на категории земного благополучия, они не заметили важности и сути происходящих в то время спасительных событий. Данные инволютивные эпитеты употребляются проповедником и в отношении современных христиан. Отметим, что экспрессивность высказывания усиливается еще и тем, что перед эпитетом «so small» автор использует устойчивую фразовую единицу с глаголом «to manage to do smth» (суметь что-либо сделать), которую в данном контексте представляется возможным перевести как «умудриться что-либо сделать». Таким образом подчеркивается крайняя неестественность и алогичность такого поведения со стороны верующих в подобной ситуации.

Иногда прием антитезы используется не для того, чтобы противопоставить обсуждаемые понятия, но для более четкого выделения одного понятия (более значимого) на фоне другого (второстепенной значимости). Проповедник как бы призывает слушателя расставить приоритеты в жизни, таким образом воздействуя на мировоззрение, формирует его систему ценностей:

«Бывает это, когда нас тронет болезнь, и тогда, как бы ни были мы окружены заботой, мы чувствуем, что мы одиноки, потому что мы стоим теперь перед лицом жизни и смерти, там, где каждый человек один за себя будет решать вопрос жизни и смерти, не только временной, но и вечной»⁸.

*[Слово о Предтече, произнесенное за всенощной
1 июня 1968 г. в храме св. Иоанна Предтечи,
что на Красной Пресне (Москва)]*

Приведенный фрагмент переносит внимание слушателя в область метафизического измерения, акцентирует

⁸ Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. С. 67.

проблему загробной участи. Хотя проповедник говорит также и о необходимости «решения вопроса» временной жизни, парный союз «не только... но и», разделяющий два эпитета (временная — вечная), указывает на большую степень важности вопроса жизни вечной.

Данный отрывок вообще построен на антиномии, которая проявляется более или менее открыто. Так, смысловым контрастом представлены:

«мы окружены заботой» — «мы одиноки»;

«мы» — «каждый»;

«жизни» — «смерти»;

«временной» — «вечной».

Данный прием в контексте церковно-проповеднического дискурса реализует несколько речевых стратегий: идентификационную, эмоционально-воздействующую и др.

Особенного внимания заслуживает следующий фрагмент из проповеди о Воскресении Христовом:

«Ненависть была побеждена любовью, смерть была смертью же побеждена...»⁹

[«Воскресение Христово видевшие...». Слово, произнесенное на всенощной в субботу 20 декабря 1969 г. в храме свт. Николая, в Кузнецах (Москва)]

Здесь, помимо антитезы с использованием противоположных по значению слов (любовь — ненависть), автор употребляет одну и ту же лексическую единицу, ставя ее в позицию семантического противопоставления (смерть — смерть). По сути, лексическая единица «смерть» во втором случае является своеобразным тропом. Краткая литературная энциклопедия указывает: «Троп в стилистике и

⁹ *Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. С. 96.*

поэтике “необычное” <...> семасиологически двупланное употребление слова, при котором его звучание реализует одновременно два значения...»¹⁰. Безусловно, здесь обнаруживается отсылка к тексту тропаря праздника Воскресения Христова: «смертию смерть поправ...». Узнаваемая образность позволяет пастве без труда интерпретировать различные семантические коды одной и той же лексической единицы в требуемом ключе. Если в первом случае слово «смерть» употреблено в своем общем значении и поэтому имеет отрицательную коннотацию, то «смерть», упоминаемая автором во второй раз, соотносится со смертью Христа, за которой непременно следует Воскресение, поэтому понимается как средство победы над смертью. Иными словами, мы можем сказать, что отрицательное понятие смерти претерпело изменение собственного значения, которое, трансформировавшись, обогатилось положительными смысловыми оттенками «победы» и «жизни». Такой прием позволяет создать внутренний полифонизм высказывания, поэтому обладает несомненным импрессивным потенциалом.

Эмоционально-экспрессивные грамматические средства выразительности в тексте проповеди, как правило, проявляются на уровне морфологии в использовании устаревших форм глаголов и личных местоимений. Наиболее часто они встречаются в составе прямой речи или цитат из Священного Писания и богослужебных текстов.

«Приди, отверзи мне врата вечной жизни, чтобы успокоилась многмятежная плоть, и вспорхнула и взлетела душа в вечные обители Божии». Вот почему правдиво и

¹⁰ Краткая литературная энциклопедия / Под ред. А.А. Суркова. М., 1972. С. 626–627.

истинно можем мы говорить, что Христос Своей смертью победил смерть, можем говорить, что *мертвый ни один во гробе...*»¹¹

[Победа Воскресения. Слово, произнесенное за всенощной в субботу 29 мая 1971 г. в храме св. Иоанна Предтечи, что на Красной Пресне (Москва)]

Так, используемая в данном отрывке церковнославянская и архаично-возвышенная лексика позволяет создать определенный фон, при котором адресат становится более эмоционально расположенным к усвоению презентуемого речевого материала. Лексика архаично-возвышенного стиля в речи разграничивает духовную и земную сферы бытия, переводит сознание слушателя в область метафизического созерцания.

Подобных примеров в текстах проповедей митрополита Антония довольно много.

«Сыне, сотворим мир». — И Сын ответил: «Да будет так, Отче»»¹². (Обращение в форме устаревшего звательного падежа.)

[Все Евангелие говорит только о любви. Слово, произнесенное в воскресенье 15 октября 1989 г. в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва)]

«обымем друг друга»¹³.

[«...останется одна любовь». Слово, произнесенное 31 мая 1968 г. за Литургией в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва)]

¹¹ Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. С. 131.

¹² Там же. С. 375.

¹³ Там же. С. 62.

«Время сотворити Господеви»¹⁴.

[Малая Пасха. Слово, произнесенное в субботу после всенощной 14 сентября 1968 г. в храме свв. апостолов Петра и Павла, что в Лефортово (Москва)]

«С нами Бог — и никтоже на ны»¹⁵.

[С нами Бог. Слово, произнесенное в праздник Вознесения Господня 27 мая 1971 г. в храме св. мученика Иоанна Воина (Москва)]

Однако отметим, что присутствие устаревшей лексики не оказывает отрицательного влияния на понимание речи проповедника паствой. Дело в том, что, как правило, владыка Антоний использует фрагменты богослужебных текстов (слова из тропарей, канонов, Евангелия и т.д.), легко узнаваемые паствой, а также не перенасыщает ими свою речь, но органично вплетает их в канву общего высказывания.

Использование подобных устаревших морфологических и синтаксических форм добавляет возвышенно-патетическую модальность высказыванию. Контрастируя с обыденностью «повседневных» стилистически нейтральных выражений, они создают атмосферу торжественности, переносят слушателя в область духовного эмоционального переживания.

Говоря о стилистических средствах выразительности, необходимо упомянуть и о клишированных синтаксических конструкциях. Часто они представляют собой завершающие восклицательные предложения, молитвы, обращения к Богу, пожелания:

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 127.

«Да благословит вас Господь!..»¹⁶

*[Малая Пасха. Слово, произнесенное в субботу
после всенощной 14 сентября 1968 г. в храме
свв. апостолов Петра и Павла,
что в Лефортово (Москва)]*

«Дай нам Господь, чтобы по молитвам всех
СВЯТЫХ...»¹⁷

*[Святые – свет миру. Слово, сказанное за Литургией
в праздник трех Святителей, Василия Великого,
Григория Богослова, Иоанна Златоуста, 12 февраля
1983 г. в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва)]*

Отметим, что в приведенном фрагменте мы встречаемся с примером прямого обращения ко Господу. Это придает речи проповедника действительный диалогический характер. Через такое обращение мысль митрополита Антония о незримом присутствии Бога во время проповеди получает эксплицитное выражение. Молитвенные и благодарственные обращения ко Господу являются традиционными для проповеднического дискурса и помещаются, как правило, в заключительной части.

Еще одним средством организации стилистически экспрессивного высказывания в текстах митрополита Антония является прием перечисления ряда, которым создается некоторое эмоциональное напряжение, повествовательная динамика.

«Он Сам есть: Жизнь вечная, вечная Радость, Сияние и Свет, Истина и Торжество. Этого Бога можно познать, только когда обездоленность, горе, несчастье, оди-

¹⁶ Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 335.

ночество, сиротство вдруг нас охватят и будут держать в своих тисках»¹⁸.

[Вера в человека. Слово, произнесенное в воскресенье 21 декабря 1969 г. в храме свт. Николая, что в Хамовниках (Москва), после Литургии и приветствия о. настоятеля]

«Самое слово “воскресенье” означает жизнь и торжество и победу Господню над злом, над грехом, над ненавистью, над смертью»¹⁹.

[«Воскресение Христово видевшие...». Слово, произнесенное на всенощной в субботу 20 декабря 1969 г. в храме свт. Николая, в Кузнецях (Москва)]

Последовательное перечисление связанных по какому-либо принципу понятий или эпитетов имеет своей целью наиболее полно охарактеризовать описываемое явление. Каждый слушающий находит что-то частное в этом общем ряду; нечто, на что откликается именно его сердце.

Одной из разновидностей этого приема являются разнообразные повторы: анафоры, эпифоры, кольцевые повторы. Они реализуют эмоционально-усилительную функцию высказывания, выделяют наиболее значимые, требующие особенной концентрации внимания слушателей смысловые отрезки.

«С этой именно вестью ученики пошли во весь мир, не боясь ни истязаний, ни мук, ни креста, ни темниц, ни одиночества»²⁰.

¹⁸ Там же. С. 101.

¹⁹ Там же. С. 92.

²⁰ Там же. С. 96.

[«Воскресение Христово видевшие...». Слово, произнесенное на всенощной в субботу 20 декабря 1969 г. в храме свт. Николая, в Кузнецах (Москва)]

«Бога, явившегося в смирении, Бога униженного, Бога, беззащитно Себя отдающего по одной любви...»²¹

[Вознесение Господне. Слово, произнесенное 30 мая 1968 г. в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры на торжествах по случаю 50-летия восстановления патриаршества]

Так, анафорические повторы слова «Бога» (всего 9 раз в этом предложении) обращают внимание слушателя на предъявляемый материал, фокусируют его внимание на различных описательных характеристиках Господа.

Одним из наиболее действенных приемов реализации апеллятивно-коммуникативной стратегии в речи проповедника является прием диалогизации. Если мы имеем дело с однонаправленным движением речи от адресанта к адресату, в котором последний выступает лишь как пассивный участник коммуникативного процесса, то такая речь называется монологической. В диалогической же речи и адресант, и адресат являются активными субъектами коммуникативной деятельности, речевой поток характеризуется взаимонаправленностью. При этом субъекты коммуникации оказываются попеременно то адресатами, то адресантами друг друга, словесная реакция каждого из них всегда детерминируется предыдущей репликой собеседника и ситуацией общения. Необходимо отметить, что диалогическая форма общения является первичной по отношению к монологу. По выражению отечественного лингвиста Л.В. Щербы, она является «естественной»,

²¹ *Антоний, митр. Сурожский. Проповеди, произнесенные в России. С. 50.*

в то время как монологическую речь он называет «искусственной языковой формой и <...> подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге»²². Об этом говорят многие исследователи, в частности, М.М. Бахтин указывает: «Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка в любой области его употребления <...> пронизана диалогическими отношениями»²³. Абсолютный монолог как вид речевой деятельности, рассчитанный на «пассивное опосредованное восприятие»²⁴ со стороны адресата, в действительности возможен скорее лишь в теории или письменной форме общения. Тогда как на самом деле любое высказывание (в особенности устное), даже и оформленное в виде монологической речи, всегда является по природе диалогичным. Дело в том, что сама функция коммуникативного процесса предполагает взаимодействие субъектов, то есть активную деятельность с обеих сторон, которая приводит к диалогичности. Лингвист Л. Якубинский подчеркивает: «В сущности, всякое взаимодействие людей есть именно взаимодействие; оно по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, “диалогическим” и бежит “монологом”»²⁵. Следовательно, можно утверждать, что православная проповедь как вид монологического высказывания также имеет тенденцию к диалогизации, элементы которой эксплицитно и имплицитно непременно проявляются в любом

²² Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Приложение. Пг., 1915. С. 3–4.

²³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 4-е изд. С. 212.

²⁴ Большой энциклопедический словарь. Языковедение. 2-е изд. М., 1998. С. 135.

²⁵ Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Вып. 1. Пг., 1923. С. 117.

пастырском слове, обращенном к верующим. Исследователь А. Михальская говорит, что целью адресанта является «пробуждение собственного “внутреннего слова” слушателя, установление гармонических и двусторонних отношений с адресатом»²⁶. Подобную мысль мы находим и у известного лингвиста А.А. Потебни, когда он говорит о том, что не только речь является диалогичной, но и процесс понимания, усвоения полученной информации также реализуется в диалогизированной форме: «Если оно [слово], как нам кажется, служит средством для сообщения мысли, то единственно потому, что в слушающем происходит процесс создания мысли, аналогичный тому, который происходил прежде в говорящем»²⁷. То есть любая устная речь предполагает равное проявление творческих усилий как со стороны субъекта, продуцирующего монологическое высказывание, так и со стороны объекта, усваивающего определенный информативный элемент. В этой связи можно утверждать, что хотя по форме церковная проповедь — это преимущественно всегда монологическая речь, она характеризуется определенным уровнем диалогизации.

Церковная проповедь, в отличие от многих других видов публичной речи, характеризуется отчетливой индивидуальной ориентированностью, то есть, будучи формально обращенной одновременно ко многим людям, она в то же время произносится ради каждой отдельной личности. Проповедь воспринимается каждым отдельным слушающим как открытый разговор между ним и пастырем или, лучше сказать, — между ним и Богом. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что вопросы, поднимаемые в Евангелии, всегда являются личностно значимыми и поэтому требуют самостоятельной внутренней ответной реакции. Такое диалогичное отношение

²⁶ Михальская А.К. Основы риторики. М.: Просвещение, 1996. С. 83.

²⁷ Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1894. С. 132.

к слову проповедника способствует более активному его восприятию, так как направлено на конкретного человека, а не на «собирабельного» адресата. Примечательно, что митрополит Антоний призывает проповедующих обращать слово проповеди к самим себе: «Я думаю, что, когда мы проповедуем, мы не должны направлять наше внимание на слушателя. Как сказал один из святых отцов, следует вонзить слово Божие в собственное сердце, как кинжал, как нож. И когда потечет кровь вашего сердца, не волнуйтесь – еще чье-то сердце тоже поражено»²⁸. По мнению владыки, только такое слово и может быть «живым», не проходящим мимо слушателей.

Напомним, что раннехристианские проповеди предполагали вопросно-ответную, диалогическую форму речевого оформления. Очевидно, что эта форма не потеряла своей актуальности и сейчас, но проявляется преимущественно через диалогизированный монолог. Приведем некоторые приемы диалогизации монологического высказывания и попытаемся проанализировать их смысловую нагрузку в проповедях митрополита Антония.

Одним из самых распространенных способов организации диалогизма в монологе является введение вопросно-ответного комплекса. Его использование в проповеди органично и обусловлено спецификой жанра. Проповедь — это, по сути, определенное объяснение, иными словами, «ответ» на вопрос, который часто и не озвучивается открыто, но всегда предполагается. В этом отношении можно говорить о том, что проповедь всегда реализует коммуникативно-познавательную функцию общения.

В проповеди митрополита Антония Сурожского вопросно-ответный комплекс эксплицитно или имплицитно призывает адресата к личностно значимой когнитивной деятельности по поиску ответа. При этом он не требует от слушающего реальной вербальной презентации своего ответа, но служит инструментом активизации внимания, обращает его

²⁸ Антоний, митр. Сурожский. Труды. Кн. 1. 2-е изд. М., 2012. С. 957.

в поле обсуждаемой проблемы, что способствует более эффективному восприятию предъявляемой проповедником информации. Обратимся за примером к проповеди «О Вартимее»²⁹.

«...how can we see? There is mirror in which we can see both good and evil <...> let us look into the Gospel as one looks into a mirror, compare ourselves with what we see...»

[*Bartimeaus.*
13th of January 1991]

«...как мы можем увидеть? Есть зеркало, в котором мы можем увидеть и доброе, и злое <...> давайте посмотрим в Евангелие, как смотрятся в зеркало, сравним себя с тем, что мы видим...»

[*О Вартимее.*
13 января 1991 г.]

Первая часть данного сверхфразового единства оформлена в синтаксической структуре вопроса, направленного конкретному адресату. Во второй части владыка тут же предлагает встречный односложный ответ, полный смысл которого раскрывается в новом предложении. Отметим, что эта же мысль, оформленная синтаксически одним повествовательным предложением, не имела бы такого экспрессивного воздействия. Проиллюстрируем это на примере:

«We can see ourselves in the mirror of Gospel» — «Мы можем увидеть себя в зеркале Евангелия».

Эмоционального соучастия, коммуникативного отклика слушающего, активного восприятия информации во втором (воображаемом) варианте нет. Он представляет собой лишь умозаключение проповедника (единоличное), которое может быть принято или не принято слушающим. Адресант не зафиксировал внимания адресата на этом информационном блоке, поэтому он может быть вовсе не замечен, не услышан последним. И напротив, в первом варианте сформулированный ответ

²⁹ *Антоний, митр. Сурожский.* О Вартимее [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1991-01-13-1-E-E-S-EM03-070Bartimeaus.html> (дата обращения: 27.05.2018). Яз. англ.

воспринимается как продукт совместной творческой деятельности обоих участников коммуникации — проповедника и слушающего (они пришли к этому ответу вместе). Очевидно, что диалоговая организация монологической речи существенно усиливает импрессивный потенциал высказывания.

Более того, на деле «ответ» паствы даже не предполагает вариативности: он всегда готов заранее. Слушающий подводится к единственно правильному варианту ответа, формулируемому проповедником, и воспринимает его как свой собственный. Приведем пример из проповеди о блудном сыне от 26 ноября 1967 года³⁰:

«Again I say, does it often happen that we perceive someone who has sinned, not necessarily against us but done wrong in general as our brother? Do we not more often say "your son" with contemptuous rejection? Do we often admit that he is our brother all the same, he is dear to the father and should be infinitely dear to us? But no, we are like the son who thought himself virtuous because he was a good worker, although he remained alien to the spirit of his father's house».

[*Prodigal Son.*
26th of November 1967]

«И вновь говорю я: часто ли случается так, что мы принимаем кого-то, кто согрешил, необязательно против нас, а в общем, как нашего брата? Не говорим ли мы чаще "твой сын" с презрительным отвращением? Часто ли мы признаем, что он все равно наш брат, что он дорог отцу и должен быть бесконечно дорог нам? Но нет, мы как тот сын, который считал себя праведным, потому что он был хорошим работником, хотя остался чуждым духу дома своего отца».

[*Блудный сын.*
26 ноября 1967 г.]

³⁰ *Антоний, митр. Сурожский*. Блудный сын [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1967-02-26-1-E-N-S-EM05-139ProdigalSon.html> (дата обращения: 27.05.2018). Яз. англ.

Данный фрагмент представляет собой серию вопросительных конструкций, на которые дается один ответ. Проповедник как бы постепенно упрощает или раскрывает сущность вопроса таким образом, чтобы к «правильному» ответу пришли все слушающие, если вдруг кто-то не готов ответить однозначно после первого вопроса.

То есть на самом деле активность адресата является мнимой, но такой стилистический прием является инструментом «привлечения внимания к утверждению, которое следует за вопросом»³¹. Он позволяет управлять вниманием слушающих, удерживая их в требуемом семантическом поле, а также акцентирует те или иные предложения владыки. Вопросно-ответный комплекс реализуется в проповедническом тексте различными способами: в виде включения в повествование прямой речи, несобственно-прямой речи, в форме воображаемого диалога и т.д.

Говоря об экспрессивном потенциале прямой речи, следует отметить, что она не просто передает информацию первоисточника, но стремится «буквально воспроизвести его форму со всеми его лексическими, синтаксическими, интонационными, стилистическими особенностями — так, как она была воспринята говорящим»³². Презентация прямой речи в повествовании как бы делает опыт слушающих аутентичным, они становятся не просто информированными о событии, но оказываются его «очевидцами».

Часто митрополит Антоний в своих проповедях использует прием авторского цитирования или воображаемого диалога. То есть прямая речь или несобственно-прямая

³¹ Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С. 213.

³² Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 1997. С. 109.

речь в действительности не звучали в той точно формулировке, в которой он их презентует. В таких случаях мы имеем дело с попыткой творческого перифраза оригинальной цитаты или события из Священного Писания с целью донесения смысла современному слушателю. Проповедник пытается выразить идею доступными средствами, уделяя больше внимания внутреннему смыслу, нежели внешней форме цитаты. Например, воображаемую цитацию мы встречаем в великопостной проповеди от 4 апреля 1971 года³³:

«Who are you to Me, and Who am I to you? Am I your friend, have I got this deep significance in your life that will mean that whatever matters to Me matters to you, whatever happens to Me you are prepared to share, or as I just one of the many incidental events of your life?»

*[Cost of The Kingdom.
4th of April 1971]*

«Кто вы для Меня, и Кто Я для вас? Друг ли Я вам, имею ли Я тот глубокий смысл в вашей жизни, который означает, что все, что важно Мне,— важно и вам, что бы со Мной ни случилось — вы готовы разделить, или же Я всего лишь одно из многих случайных событий вашей жизни?»

*[Цена Царства.
4 апреля 1971 г.]*

Данные слова являются формой творческой передачи смысла слов Христа Спасителя: *Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?* (Мк. 10, 38). Митрополит Антоний намеренно передает вопрос Христа такими словами, которых нет в Евангелии. Он значительно расширяет вопросительную структуру,

³³ Антоний, митр. Сурожский. Цена Царства.

раскрывая смысл оригинального текста. В самом деле, вопрос Спасителя о возможности пить Его чашу и креститься Его крещением часто является «не услышанным» паствой, так как не вызывает прямой ассоциации в сознании верующих с вопросом, озвученным владыкой: «Кто Я для вас? Имею ли Я то глубокое значение в вашей жизни?». Такая воображаемая цитата не только делает понятным смысл слов Спасителя, но и актуализирует этот вопрос в сознании каждого слушателя, требует личного ответа. Сразу после вопросного ряда митрополит уже прямо обращается к слушающим: «And this question, Christ is asking from us also...» — «И этот вопрос Христос задает также и нам...».

Этот прием используется им и в тексте русскоязычных проповедей:

«Не бойся, ты будешь отныне не рыбу ловить, а собирать в невод Господень живые человеческие души, приносить их, извлекать их из бури, для того, чтобы они вошли в покой...»³⁴

*[Проповедь в Неделю 18-ю по Пятидесятнице.
Чудесный улов рыб. Ориентировочно 1971 г.]*

Несобственно-прямая речь также нередко встречается в проповедях митрополита Антония Сурожского. Ее главное отличие состоит в том, что она не содержит прямого цитирования (пусть и перифразированного), но представляет собой связное высказывание лишь от одного лица — рассказчика, то есть проповедника. Будучи формально однонаправленной речью, она тем не менее отличается диалогизированностью, сообщением проповедника и паствы. Таким образом, речь одного лица приобретает то полифоническое звучание,

³⁴ *Антоний, митр. Сурожский. Неделя 18-я по Пятидесятнице. Чудесный улов рыб [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.mitras.ru/sermons/serm6.htm> (дата обращения: 27.05.2018).*

которое позволяет говорить о «незримом» присутствии второго участника коммуникации. Наиболее частый способ реализации данного приема в проповеди — это использование вопросно-ответного комплекса. Автор как бы становится во внешнюю по отношению к самому себе позицию и озвучивает вопрос, на который сам же и отвечает. Формулируя вопрос, он как бы делает намеренную паузу в общей канве повествования, не конституирует определенный факт или идею тут же, «между прочим». Очевидно, что таким образом внимание слушателей фокусируется на определенной значимой информации, они приглашаются к соучастию в поиске ответа на озвученный вопрос. Подобные примеры мы находим как в англоязычных, так и русскоязычных текстах.

Несобственно-прямая речь очень часто помогает митрополиту Антонию, помимо активного вовлечения в познавательную деятельность, перевести свою паству из разряда слушателей в разряд «очевидцев» или даже «активных участников» событий Священной истории. Приведем иллюстрацию из текста проповеди в Вербное воскресенье:

«В течение этих дней мы будем присутствовать — не только вспоминать их, но присутствовать! — при Страстях Господних. Мы будем частью толпы, которая окружала Христа, Его учеников и Божию Матерь. И когда мы будем слушать евангельское чтение, слышать молитвы Церкви, когда, образ за образом, пройдут картины этих страстных дней — станем каждый день себе ставить вопрос: А где я, кто я в этой толпе: фарисей? книжник? изменник? трус? кто?.. Или стою я среди апостолов — но и они были побеждены страхом! Петр трижды отрекся, Иуда предал, Иоанн, Иаков и Петр заснули, когда Христу больше всего нужна была человеческая любовь, другие ученики бежали — никто не остался, кроме Иоанна и Матери Божией, тех, кто связан

был со Христом такой любовью, которая не боится, такой любовью, которая готова всё разделить...

И снова поставим перед собой вопрос: кто мы, где мы? Где находимся мы в этой толпе? Стоим ли мы с надеждой или с отчаянием? А если мы стоим с бесчувствием, то мы тоже — часть этой страшной толпы, которая окружала Христа, которая перемещалась, слушала — и уходила, как мы будем уходить из храма...»³⁵

[Вход Господень в Иерусалим. 30 марта 1980 г.]

Эта проповедь посвящена следующему за Вербным воскресеньем времени Страстной недели. Митрополит Антоний живо представляет образы тех людей, которые окружали Христа в последние дни Его земной жизни. Экспрессивность высказывания создается вопросительным призывом к отождествлению себя с этими лицами, внутреннему самоопределению своей позиции относительно Христа. Таким образом проповедник актуализирует прошлый опыт апостолов и других действующих лиц в настоящей жизни своей паствы. То есть евангельский рассказ становится не просто сообщением истории, произошедшей с Иисусом Христом и Его современниками, но оказывается метавременным действием, разворачивающимся «здесь и сейчас» в индивидуальной жизни каждого христианина. Такая личностная соотнесенность, несомненно, требует активной самоактуализации личности относительно всего, что описано в Евангелии. При таком переносе ретроспективного восприятия в реальный и перспективный планы становятся возможными подлинно личностные отношения с Иисусом Христом, в которых каждый верующий становится субъектом Священной истории.

Другим наиболее часто встречающимся приемом организации мнимого диалога в проповедях митрополита Антония

³⁵ Антоний, митр. Сурожский. Труды. Кн. 2. С. 577.

является постановка риторического вопроса. Как отмечает Д.Э. Розенталь, этой стилистической фигурой «вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание читателя или слушателя к тому или иному явлению»³⁶. На самом деле этот прием так же, как и несобственно-прямая речь, служит удачной формой организации кажущейся коммуникативной активности адресата. В действительности однозначный ответ всегда присутствует в сознании слушателя уже в момент артикуляции вопроса. Таков, например, вопрос в проповеди, произнесенной в Прощеное воскресенье:

«Подойдем теперь сначала к иконе Христа, нашего Бога и нашего Спасителя, Который дорогой ценой заплатил за власть простить; обратимся к Матери Божией, Которая отдала Своего Единородного Сына за наше спасение; если Она простит — *кто* нам откажет в прощении?»³⁷

*[Неделя 36-я по Пятидесятнице.
Прощеное воскресенье, 16 марта 1986 г.]*

Данный фрагмент, свидетельствующий о позитивной уверенности в прощении от любого человека, если только Мать Божия нас «простит», завершается вопросом к адресату, который не снабжен ответом. Очевидно, что предшествующее повествование уже подготовило слушателей и сформулировало единственно возможный ответ: «Никто не откажет нам в прощении».

Риторический вопрос обычно следует в конце тематического блока, после того, как адресант максимально полно изложил свои мысли по определенной теме. Озвученный

³⁶ Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974. С. 346.

³⁷ Антоний, митр. Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа: Проповеди. Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 218.

вопрос активизирует мыслительные процессы, приводит к мнимой коммуникативной деятельности. Таким образом, к моменту постановки вопроса слушатели настолько проникаются размышлением проповедника, что органично перенимают его точку зрения, отождествляя ее со своей собственной.

Иногда риторический вопрос может не предполагать определенного ответа паствы, который она могла бы сформулировать тут же, в момент пастырского к ней обращения. Например, такими вопросами наполнена проповедь в Неделю 7-ю по Пасхе³⁸:

«Let us spend this week thinking of all we have received from God and asking ourselves: what can we give? To Him — so that He can rejoice in us, so that He can (know) that He has not lived and died in vain. And what can we give to all those who surround us, beginning with the smallest, the humblest gifts to the closest and ending with giving all we can to those who need more».

[Sunday before Pentecost. 11th June 1989]

«Давайте проведем эту неделю, размышляя обо всем, что мы получили от Бога, и спрашивая себя: что можем дать мы? Ему — чтобы Он мог радоваться о нас, чтобы Он мог (знать), что Он жил и умер не напрасно? И что мы можем дать всем тем, кто окружает нас, начиная с мельчайших, скромнейших подарков самым близким и кончая тем, чтобы дать все, что мы можем, тем, кто нуждается больше?»

*[Неделя перед
Пятидесятницей.
11 июня 1989 г.]*

Предшествующее повествование не подводит слушателя к единственно возможному ответу на данные вопросы, но требует действительных самостоятельных познавательных уси-

³⁸ *Антоний, митр. Сурожский*. Неделя перед Пятидесятницей [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1989-06-11-1-E-E-SEM03-024SundayBeforePentecost.html> (дата обращения: 27.05.2018). Яз. англ.

лий. В этом отношении можно утверждать, что паства начинает реальную, а не кажущуюся коммуникативно-репликативную деятельность, пусть даже и не выраженную вербально.

Еще одним неотъемлемым компонентом православной проповеди является риторическое обращение. Обращение к собеседнику, к слушающему присуще любой коммуникативной деятельности. Без обращения речь адресанта, по сути, не может в полной мере называться коммуникацией. Не имеющее конкретного адресата высказывание становится просто текстом, некоторой информацией, которая не имеет обязательных внутренне значимых связей со слушающим.

Обращение может присутствовать в различных формах: именование слушающих, местоимение первого лица множественного числа «мы» или же обращение к Богу от лица собрания верующих. Отличительной особенностью многих проповедей митрополита Антония Сурожского, в сравнении с проповедями других проповедников, является отсутствие традиционной формы обращения «братья и сестры». Вместо этого автор активно использует местоимение первого лица множественного числа «мы», когда обращается к Богу. Это, на наш взгляд, можно объяснить стремлением проповедника быть максимально ближе к своей пастве, стоять вместе с ней на одном уровне. Отметим, что, хотя формулировка «братья и сестры» также предполагает равенство, традиционным является представление о священнике как об отце, что опосредованно приводит к определенной дистанцированности коммуникантов, так как отношения отца и детей имеют четкую иерархическую разграниченность.

Характерное обращение мы находим в проповеди владыки «О чудесах»³⁹:

³⁹ *Антоний, митр. Сурожский. О чудесах* (кормление пяти тысяч) [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://masarchive.org/Sites/texts/1986-08-17-1-E-%20E-S-EM04-174OnMiracles.html> (дата обращения: 27.05.2018). Яз. англ.

<p>«...if we feel unworthy of coming up to Him, let us kneel at His feet and say, Lord...»</p> <p style="text-align: center;"><i>[Sermon on miracles (The Feeding of the Five Thousand). Sunday, 17th August 1986]</i></p>	<p>«...если мы чувствуем себя недостойными приступить к Нему, то склоним колени у Его ног и скажем: Господи!..»</p> <p style="text-align: right;"><i>[О чудесах (кормление пяти тысяч). 17 августа 1986 г.]</i></p>
---	---

Как видно из примера, подобное обращение ко Господу от лица верующих способствует упрочению внутренней связи проповедника с паствой, объединяет их и делает равными перед Богом, что приводит их общение к более доверительному тону.

Перечисленные в данной статье примеры, конечно же, не отражают всего спектра стилистических приемов выразительности речи, используемых митрополитом Антонием. Однако даже беглый взгляд на тексты его проповедей позволяет ощутить глубину и богатство их экспрессивно-импрессивного потенциала. Являясь по способу происхождения устными высказываниями, они лишены искусственности, и тем не менее владыке удается создать ту эмоциональную окраску речи, которая позволяет говорить о художественной полифоничности его монологических высказываний. При такой организации речи паства оказывается наиболее расположенной к восприятию проповеднического слова владыки, становится способной к внутренней коммуникативной отзывчивости.